

тии: источник света нисходит к местным ячейкам, поблескивающим сквозь мягкие тени деталей быта. Современный реализм настаивает на приватизации света, на переводе пространства в душевные состояния, он работает со сложными конфигурациями рефлексов и бликов, соединяя их свободным обменом эмоций, арендованных из медийной памяти. Свет создает факты, то есть отношения форм к содержащим их местам. Факт превращает фигуры в образы, изнутри очищая геометрию инъекцией длительности. В живописи, наследующей поп-арту, свет принципиально отличается от реалистического – равномерный, вездесущий, недвижимый, он равносителен тьме: мы видим на ощупь. Никаких фактов, кроме плоскости; победа сил поверхностного натяжения. Счастливый конец света под негативным давлением тьмы, полученной из переработки визуальных клише. Тишина. В ней – виртуальные всплески восторга и ужаса, шока и эйфории, берег удаляющегося острова современности. У картины, кроме мнимого времени сюжета и вневременной материальности красок, есть грань в настоящем, в актуальном времени взгляда. Она всегда остается такой, как нарисована: будущее не касается картин. Живопись не смогла умереть; она стала одушевленным монументом взаимодействию художника и производительных сил эпохи. Для Клее искусство было образом творения самого по себе; из современности это выглядит как производство времени из чистого различия личной точки зрения. Как непрерывное воссоздание мира из каждой точки его границы.

«Слова умирают у губ»

Интервью Нины Сосны с Борисом Кузьминским

■ **Н. С.:** *Несколько лет назад появления книг «Оригинал», составляемой Вами серии нежанровой литературы, очень ждали. Занимаетесь ли Вы и сейчас каким-нибудь проектом?*

■ **Б. К.:** Должен Вам сказать, что мой опыт общения с издателями в последнее время складывается неудачно. Сейчас я снова занят созданием серии. Меня очень просили об этом, и я согласился. Одна книжка вышла, по иронии судьбы как раз не самая интересная. Но удручен тем, что ничего не могут сделать. Сколько им ни объясняешь, сколько советов и подробных инструкций ни давал Бондаренко, издательство не может справиться с предложенным макетом. У меня такое ощущение, что это всеобщее размягчение мозгов.

Но главная проблема – это оптовики. На них жалуются все. Распространением серии «Оригинал» занималась девушка, которая раньше продавала лаки и краски. Мне она объясняла, что законы маркетинга одинаковы – что для лаков и красок, что для книг. Люди не занимаются книгами. Принципиально.

Иногда такие случайные вещи могут оказывать решающее влияние. Возьмите Фаулза, довольно продаваемого, казалось бы, автора. Когда вышел его роман «Червь», сигнальный экземпляр принесли оптовику. Его не оказалось на месте, и экземпляр поло-

жили перед секретаршей. Ей не понравилась обложка. Она сказала: «Какая гадость!» И повторила это потом своему начальнику. Именно эту книгу из серии он впоследствии не взял.

Тяжелая ситуация сложилась с нежанровой прозой. Некоторые издательства просто не занимаются беллетристикой. Оптовики не хотят работать с новыми жанрами, с новыми именами. В нулевые годы у меня была идея, что где-то во Владивостоке, большом портовом городе, где много что происходит, где близости Япония, сидит автор и пишет гениальный роман. Но как его найти? Это проблема информации. Во Владивостоке я так и не был – может быть, еще там окажусь, – но ездил в Пермь. Там у меня были знакомые, которые составляли нечто вроде литературного салона. Я был воодушевлен. И что? Ничего интересного они мне не принесли. А в это время роман «Дом дней» был уже написан. И они знали об этом человеке, Викторе Сосноре, и ничего не сказали. Это такая провинциальная ревность. Москва для них – не просто другой мир, это другая галактика, на которую они смотрят, как смотрят на звезды. Многие не смеют даже надеяться.

В провинции другая ситуация. Конечно, есть филиалы «Библио-глобуса». А так – в городе стоят ларьки, в которых нечего продавать. Нет газет, кроме областной и той, что вся целиком состоит из программы телевидения. Но что-то же нужно продавать, и вот продаются ручки, и рядом – какие-то книги.

■ **Н. С.:** *Чем же руководствуются оптовики при выборе изданий для распространения – своим собственным вкусом?*

■ **Б. К.:** Да, и нажитое состояние превращается в их глазах в аргумент. Если такие деньги у них есть, значит, они получили их за то, что они что-то умеют и понимают. А человек, который ездит в метро, не может объяснить, что есть проблемки со вкусом. Путей решения я, честно говоря, не вижу. Кроме чисто демографического, когда люди, которые сделали миллионы на Марининой, физически перестанут существовать. Потому что сейчас, имея виллу где-нибудь на Канарах, они вполне могли бы наконец отойти от дел. Так ведь они не хотят. Они продолжают издавать то, появление чего объяснить невозможно.

В России вообще невозможно предсказать, будет ли книга пользоваться успехом, и если да, то каким. Успех книги случается помимо разрабатываемой стратегии. А маркетолог – это вообще ругательное слово.

■ **Н. С.:** *А на Западе книжный рынок более предсказуем?*

■ **Б. К.:** Конечно, потому что он строго сегментирован. И успех в маленьком сегменте – это прогнозируемая вещь. Хотя и на Западе маркетолог – ругательство. Это показывает переводная книга «Легко ли быть издателем» – это же вопль измученной души. В издательстве сменился начальник. И когда новому принесли план издательства, он посмотрел на правый столбик таблицы, где стояли тиражи, а не на левый, где значились названия. Вот как происходит отбор.

Я вообще не понимаю, как сейчас должен вести себя покупатель в книжном магазине. Если издательства выпускают десятки книг в неделю, какова должна быть стратегия читателя, скажем тридцати-сорока лет, с высшим образованием, который идет в магазин, чтобы купить книгу. Что же ему, всю жизнь читать Мураками? Нет никакого гида, на телевидении почти нет программ, которые обозревали бы выходящую продукцию. Они, видите ли, не рекламоёмкие. Была программа Шаталова на «Культуре», но несколько архаичная. Сейчас он перешел на канал «Домашний», а на «Культуре» его заменили другой программой, непонятно зачем, но, правда, более интересной по дизайну. Но идет она приблизительно в 18 часов, когда люди, которые могут купить книги, еще не доехали до дома с работы, а дома только домохозяйки, которые не покупают книг, или пенсионеры, которые не могут их купить. Согласно статистике, приведенной на последнем съезде РКС¹ – правда, я не очень доверяю данным социологических опросов, – только 12% населения намеренно покупают книги.

■ **Н. С.:** *Но если люди читают мало книг, может быть, они читают в Сети?*

¹ РКС – Российский книжный союз, четвертый съезд которого состоялся 14.07.2005. – Н.С.

■ **Б. К.:** Раньше Интернет представлялся сокровищницей знаний. Сейчас же он превратился в источник новостей, которые появляются там быстрее, чем по телевидению и, конечно, быстрее, чем в газетах. Аналитические сайты (типа РЖ, даже Газеты) посещаются мало. В конце девяностых прогнозировали бум русского Интернета. Это было связано с тем, что люди покупали персональные компьютеры. Поэтому число пользователей росло. Сейчас все, кто хотел купить компьютер, его купили. Остались только те, кто его не может купить. ОЗОН совершенно не оправдывает себя как проект. Потому что у нас плохо работает почта. А если мне что-то нужно, я могу пойти в магазин «Москва» и купить это, не оплачивая никакой доставки. Можно пытаться торговать книгами на Западе – в Канаде, например, невозможно купить новые русские книги, – но у нас нет системы электронных счетов.

■ **Н. С.:** *Как Вы считаете, какие наши авторы интересны западному читателю?*

■ **Б. К.:** Едва ли здесь можно что-то предсказывать. Вспоминаю опыт Франкфуртской ярмарки... Это огромная машина. Там бегают множество агентов, но русской литературой – даже в год, когда Россия была специальным гостем, – они не слишком интересовались. Хотя есть человек с хорошим вкусом, глава издательства, публикующего только переводы русской литературы. Но, как видно, имеются проблемы. Вообще, немецкие переводы очень хорошие. Во времена Советского Союза многие люди кормились тем, что переводили русскую классику, и делали это хорошо. Это особый круг людей, с прекрасными взаимоотношениями. Сейчас они положили зубы на полку. Среди них появилась насильственная конкуренция. Есть переводчица, которая живет в Мюнхене. Она любит русскую литературу больше русских. Недавно она перевела Маканина. Казалось бы, это писатель по-западному экзистенциальный, но он не идет. А вот книга Бовильского легла. «Головоломка» прекрасно пошла в Италии. На английский и американский рынок вообще не пробиться. Получается, что не нужны те, кто выходит на нормальный западный уровень. Этого не надо. Нужно что-то звероватое.

Потом, не забывайте вот еще какой момент. На Западе книги стоят дорого. Если человеку платят роялти, то есть проценты от реализации (например 10%), получается достаточно. А переводчики получают 2% и прекрасно живут. У нас – это всего несколько человек, и пробиться в их ряды очень трудно. Конечно, переводить в стол можно все что угодно... Сейчас пользуются программами автоматического перевода, сдают даже не вычитанный корректором текст – всё схавают.

Ведь многие договоры заключаются на основе аннотаций. Представьте себе, что анонсировано одно: секс, убийства, – а в книжке может оказаться всего пятнадцать страниц и совсем о другом. Очень плохие переводы – но не издать вы уже не можете, потому что подписан договор. И снова замкнутый круг.

После Франкфурта я серьезно думал о введении квот. Как вводятся жесткие квоты на кино – не менее 25% отечественных фильмов в прокате. Пусть это бурбонская мера, но если бы издательства были обязаны продавать 20% книг отечественных авторов, они работали бы с этими авторами, они нашли бы способ продавать.

Ведь кто у нас есть? Донцова – это же треть оборота «ЭКСМО»! Есть еще Дашкова, но здесь все не очень хорошо, потому что она в «АСТ». И на Западе она считается автором не весьма средних детективов, а психологической прозы. Улицкая, наша Шарлотта Бронте. Гришковец...

■ **Н. С.:** *Но его популярность, как мне кажется, связана не только с книгами, которые он пишет. Это уже медийный персонаж – он часто появляется на телевидении...*

■ **Б. К.:** Пожалуй. Есть еще Оксана Робски. Написала уже второй роман. О жителях Рублевского шоссе, со всеми их проблемами, домработницами...

■ **Н. С.:** *Это интересно читающей публике?*

■ **Б. К.:** Интересно? Это так беспомощно. Там нет ни композиции, ни стиля. Конечно, есть хорошие писатели. Берковский, даже Слаповский. Обратите внимание, что, как только он написал что-то действительно интересное, им сразу же заинтересовалось издательство «ЭКСМО». Вообще, если что-то хорошее и будет, то

ждать его нужно со стороны таких издательств, как это. На него вся надежда. Известно, что маленькое издательство ищет авторов, с ними работает. Это всегда связано с родственными отношениями автора и издателя. Но как только у такого автора что-то появляется, тут же проявляется хватка этих на вид простоватых людей. «ЭКСМО» выбирает то, что им нравится. Хотя, конечно, ведет себя бандитски. Люди эти – бессовестные, но секущие фишку. А ведь очень много бессовестных и не секущих фишку. Словом, полный бардак.

Издательство «ГРАНТ» хоть как-то структурировано. Они издают проблемную литературу, медицинские справочники – врачей много. А Анатолия Азольского издают для души. Ведь очень многие члены Союза писателей пишут неплохо: и композиция, и приемы. Тех, кто не умеет писать, туда не принимали. Но Азольский пишет живую литературу. Нигде не тусуется, сидит у себя дома с женой и дочкой и пишет...

С учебниками и справочниками проще – есть хотя бы зачатки целевого издания. Если выходит учебник по английской литературе, понятно для студентов какого университета он издается. С романом дела обстоят по-другому: совершенно неясно, кому он понадобится. Хотя возьмите того же Бушкова – он нужен всей читающей России, потому что у нее нет выбора. И опять-таки благодаря оптовикам. Детективы ведь бывают хорошими – часто, правда, они плохие, – но в любом случае существует план допечатки на месяцы вперед: издатели уверены, что это будет продано. Хорошо продаются еще книги по кулинарии. Необъяснимая вещь – такое ощущение, что у нас страна гурманов. И конечно, если вы издаете «Камасутру», то будете в шоколаде... А Вы знаете, сколько выходит газет с кроссвордами? Около тридцати названий. Значит, их все купят. В метро скорее будут отгадывать кроссворд, чем книжку читать.

■ **Н. С.:** *У вас есть рабочая гипотеза, почему так происходит?*

■ **Б. К.:** Есть. Раньше художественная литература была очень заидеологизированна, поэтому сохраняется недоверие к тому, что вам впаривают – через рекламу и так далее. Конечно, визуализация. Но, может быть, то, что люди отгадывают кроссворды, о них хорошо говорит. А что взамен – смотреть «Ментов», Маринину?

Это приучает не считать чтение видом деятельности. Читать ведь легко. А чтобы отгадывать кроссворд, нужно напрягаться, проявлять творчество...

■ **Н. С.:** *Но иногда в метро люди читают старые книги – русскую классику или, к примеру, Германа Гессе...*

■ **Б. К.:** Да, есть люди, которые читают хорошие книги. Им от двадцати семи до тридцати трех лет. Они ни в коем случае не моложе и не старше. Это может быть и клерк, а не обязательно какой-нибудь кислотный молодой человек. Старые книги читают те, кто не может купить новые. А тетеньки лет сорока, довольные собой, читают Донцову.

Молодцы издательство «ВАГРИУС»! Они подписали жесткий договор с Пелевиным – по роману в год. Он стеснялся публиковать «Шлем ужаса», свой ранний роман, но сейчас его опубликуют, потому что Пелевин – ленивый. Сорокину, заметьте, такой контракт не предложили. Издательству скандал не нужен. Они понимают, к чему дело идет. Государство собирается заниматься цензурой, а не дотировать издания современной литературы...

Сейчас совершенно не чувствуешь морального удовлетворения от того, что чем-то помог автору. Раньше это было приятно – устанавливались какие-то отношения. Когда я делал серию «Оригинал», авторы мне писали много писем, рассказывали о чем-то своем. С одной стороны, это занудно, а с другой – очень трогательно. Все писатели – зануды. Как Тригорин. Конечно, автору всегда приятно увидеть свою книгу напечатанной. Но автору не менее приятно свою книгу увидеть на лотке, где книги продаются практически по себестоимости, все «по тридцать». И вот, нахлебавшись с первой книгой, талантливые авторы уходят работать куда-нибудь в банк. Есть еще те, кто живет за границей. Сумасшедшие, как Берковский, которые пишут и пишут. Или Александр Мильштейн, чья книга выходит в «ОГИ». Он прислал мне свои рассказы... Вы знаете, рассказы меньше покупают, чем романы. Вот что бы Вы купили, если бы увидели в магазине рассказы и роман одного и того же писателя?

■ **Н. С.:** *Боюсь, что роман.*

■ **Б. К.:** Я тоже боюсь. Может, это старость, но ни на что уже не реагируешь с эмоциональной остротой. Это не просто настроение, но то, что присутствует уже давно. Может быть, нарисованная картина печальна и пессимистична, но мне все же кажется, что я реалист. Случилось так, что исчезла повестка дня. В девяностые годы был контекст, люди читали друг друга, старались написать о новой книге быстрее, умнее – словом, была медийная среда. Разве не естественно интересоваться тем, что делают твои коллеги? А сейчас посмотрите, о чем пишут издания, обозревающие литературный процесс. За исключением очень немногих изданий, Вы почти не найдете совпадений. Конечно, все обругают последний роман Акунина, но в целом все выглядит так, как будто обозреваются разные книжные рынки.

Нет новых критиков. Последнюю премию «Дебют» в области критики получили две действительно милые девушки, но они не публикуются. Есть люди, работающие в штате, вот они и пишут рецензии.

Нет места для неожиданностей. Очень скучно. Ведь у критика есть своя концепция, и даже если кто-то вдруг напишет хороший роман, его все равно обругают. Потому что иначе критика обвинят в непоследовательности. А ведь ставить крест ни на ком нельзя, даже на Слаповском.

Андрей Немзер постарел, и характер у него испортился. Но в девяностые годы у него было ощущение своей миссии. Он знал, не только какая литература в России есть, но и какой она должна быть. У него была карта всей литературы и он представлял, по каким векторам она должна развиваться. Сейчас это всем по фигу. Рецензия может интересоваться только самого писателя, но он всегда будет ею недоволен, всегда вычитает что-то между строк. Нет первого ряда. Нет понимания важности события. Нет аксиологии. Люди дико устали...

■ **Н. С.:** *Из Ваших слов совсем не следует, что существует какая-то гуманитарная среда и тем более что книга может стать событием, что ее будут хотя бы обсуждать...*

■ **Б. К.:** Какая среда?! Это же колоссальная проблема! Люди полностью утратили ко всему интерес – пространство заполнено ватой, слова умирают у губ. Вы сами их едва слышите...

Сейчас я почти не пишу рецензий, потому что это не имеет никакого смысла. Рецензии читают не для того, чтобы купить книжку, а для того, например, чтобы поддержать о ней разговор. Раньше критики все же читали друг друга. Мало кто ездит на ярмарки в Англию или в другие места. Ярмарки вырождаются – даже «Non/fiction». У них нет ни общей стратегии, ни повестки дня. А я читаю все – и говорю об этом.

Литературные журналы?.. Да, есть журналы, которые делают вид, что следят за литературным процессом. Но только они именно что делают вид. Все это не оперативно. Они рецензируют книги, которые вышли пять лет назад. Круг своих знакомых люди принимают за литературный процесс, о чем я уже говорил.

■ **Н. С.:** *Как Вы определяете для себя, что такое новое в литературе?*

■ **Б. К.:** У меня нет четких, ясных формулировок.

■ **Н. С.:** *Объясните в смутных.*

■ **Б. К.:** В смутных – книга не должна быть идеальной. Должна быть неловкость. Какое-то несоответствие. Должен дуть ветер. Сквозняк. Фолкнер говорил, что хороший роман – это провал. Ведь замысел трудно воплотить. Остается зазор между замыслом и воплощением, человеку замысел не воплотить. И в этом есть энергетика, есть какие-то изъяны – они и намекают на живое.

Изъяны бывают разные. Я очень толерантен к разным стилистикам, разным стилям письма: у меня нет приверженности традиции русского реализма, как, например, у Немзера. Я назначаю для себя. Книга, которую я открываю, должна быть хорошей. Но на компромиссы не иду. Если мне не понравилось, не могу сказать, даже знакомым, что это хорошо.

Вспоминаю историю с Сашей Мильштейном. Его рассказы показались мне такими странными – они ни на что не были похожи. Я позвонил и отказал. А потом поймал себя на том, что они не выходят у меня из головы. Две недели я вспоминал о них, не мог заснуть. Перезвонил, извинился. Сказал, что книга будет печатана.

Есть один очень хороший петербургский критик. Недавно он написал роман. Я прочел его, даже не без удовольствия. Но через

неделю я уже не помнил ничего: все очень гладенько, очень аккуратно. Есть убийство, мистика, рассуждения о феминизме. Это я помню. Но что именно за убийство – ничего в голове не осталось.

Такой вид деятельности не востребован обществом. Здесь нет ни престижа, ни денег. Зато есть место для человечности. Вы посмотрите: при всей насекомочности литературной тусовки она еще не так плоха. В кино, где денег больше, все намного хуже, – зависимость прямая. Во Франкфурт ведь полетело много людей, не один самолет. Конечно, на ярмарку приходили в основном эмигранты, сами немцы проходили мимо. Так случилось, что люди проводили много времени друг с другом. И за достаточно длительное пребывание все преисполнились дружеских чувств. Подавали друг другу руки те, кто обычно этого не делает. Приятно, что говорить.

Я бывал несколько раз в Лейпциге. В сравнении с Франкфуртом там все выглядит намного больше по-домашнему. Очень много школьников, и видно, что это не обязаловка. Немцы же много читают. Они способны слушать, как автор читает вслух свое произведение – даже в течение многих часов, даже когда фактически идет синхронный перевод: фраза по-немецки, фраза по-русски. Когда вышла «Смерть критика», ее все долго обсуждали. Гюнтер Грасс, сложный автор, необыкновенно популярен: как только выходит его новый роман, он становится событием. И в рейтингах держится на втором месте – после «Гарри Поттера»...

■ **Н. С.:** *Получается, что немцам действительно интересно? Приятно, что хоть кто-то читает.*

■ **Б. К.:** Ну да. В чем проявляется особенность нашего менталитета – вот слово это про-и з н е с е - но...

IV